

Kirill Solovyov

(HSE University, Moscow, Russia;

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The political theater of August 1917: stage and backstage

DOI: 10.31857/S2949124X24030207, EDN: GBUKXP

«Красивый пышный зал московского Большого театра. Всюду золото и пурпур. Для совещания первостепенной важности даже слишком много театральной пышности. Декорации, окаймлявшие огромную сцену, переполненную делегатами, вызывали смутные, раздражающие воспоминания о когда-то виденных операх, о мишурных злодеях и о героях, о театральных действиях. А между тем в этой зале час за часом разыгрывалось действие государственное, живая трагедия огромной страны, мятущейся среди бедствий и испытаний», — писала журналистка и член ЦК Партии Народной свободы А.В. Тыркова о Государственном совещании¹. За 1917 г. прошло много форумов, однако Государственное совещание стало особенным. Его участники подводили итог предыдущему бурному полугодию. Наконец, они собрались в ожидании пока неведомых событий, о которых можно было только догадываться.

За 1917 г. сменилось несколько непродолжительных, но значимых эпох. Для каждой из них характерны свои герои, свой горизонт ожиданий. В последние дни февраля — начале марта 1917 г. могло показаться, что политическая система Российской империи имела шанс на относительно плавную трансформацию. Состав элиты, правила игры были заметно скорректированы, и всё же в новом уга-

дывалось что-то старое. Февраль стал временем пускай мнимого, но триумфа российской общественности, которая складывалась десятилетиями до этих роковых событий. Правда, управлять политическими процессами у неё не получалось. Улица стремительно ворвалась в политическую жизнь. Об этом много писал А.Б. Николаев, размышляя о природе «думской революции» и роли Временного комитета Государственной думы в конце февраля — начале марта 1917 г.²

И всё же вплоть до апреля 1917 г. политический режим в России пытался сохранять хотя бы условную преемственность в отношении предыдущих порядков. Это прямо декларировалось Временным правительством, которое было сформировано при активном участии Прогрессивного блока, сложившегося ещё в дореволюционной, цензовой Думе³. Весьма характерна особая роль Юридического совещания при Временном правительстве. В данном случае законодательные полномочия передавались не избранным делегатам регионов или корпораций, а экспертам, знатокам права. Они, не обладая даже тенью легитимности, представляли не народную волю, а науку, знание⁴. Это вполне соответствовало взглядам думских лидеров, имевших за спиной высшее образование (преимущественно юридическое) и, нередко, годы государственной

* Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб.: Астерион, 2022. 480 с.

службы, но явно диссонировало с на строениями улицы. По это причине «общественный» этап революции оказал ся столь скоротечен.

Апрельский кризис потребовал «пересборки» власти, а следовательно, и новой формулы её легитимности. Представители цензовой публики попытались заключить договор с «демократией», представленной исключительно социалистическими партиями. В последующие месяцы политически активная часть общества искала более или менее устраивающий всех баланс сил, но не находила его. В итоге за непродолжительной передышкой следовал новый кризис.

Неустойчивая и, главное, неуверенная в себе власть всё же рассчитывала найти точку опоры. Ради этого созывались разнообразные коллегиальные учреждения, которым предстояло поделиться своей легитимностью с Временным правительством. Все эти эксперименты были обречены на провал, что в значительной мере объясняется несоответствием господствовавшей риторики «архитектуре» власти, сформировавшейся после Февральской революции. «Улица» требовала демократии, под которой обычно подразумевалось бесспорное лидерство леворадикальных партий и широчайшая социальная повестка. Министры в большинстве случаев с этим не соглашались, невольно признавая сомнительность собственных прерогатив. Конечно, это их не устраивало, и они делали очередную напрасную попытку. Изобретаемые ими коллегиальные учреждения представляли более или менее широкий спектр партийных объединений. Казалось бы, собранные вместе, их представители имели право говорить от имени всего российского общества.

При этом, конечно же, за скобками оставался вопрос, в какой пропорции должны были присутствовать те

или иные политические силы. Во Временном правительстве рассчитывали на консенсус, к которому могли прийти политические партии. Министры следовали логике, характерной для ранней весны 1917 г. Тогда население приравнивалось к общественности, а общественность — к партиям. Спустя пару месяцев эти тождества уже вызывали сомнения.

Так или иначе, правительство остро нуждалось в «костылях» — различных формах представительства. Как бы их ни оценивали, структура и состав этих коллегий весьма показательны. Министры Временного правительства стремились действовать рационально и логично, разумеется, отталкиваясь от собственных представлений о рациональности и логичности. Они принимали решения в собственной системе координат, которая соответствовала горизонту их ожиданий.

Один из таких представительных форумов, призванных способствовать умиротворению России, — Государственное совещание. Ему и посвящена новейшая монография А.Б. Николаева. Это представительство по-своему уникально. В чём-то оно могло напоминать Земский собор в версии славянофилов. В нём должны были быть представлены интересы, а значит — корпорации, за спинами которых правительство пыталось спрятаться от чрезмерного влияния политических партий. Как показывает исследование Николаева, эта надежда оказалась тщетной.

Любая книга — это не просто совокупность научных наблюдений и архивных цитат. Прежде всего, это особый стиль, свойственный лишь конкретному автору. Николаев с присущей ему скрупулёзностью изучил считанные дни в одном столичном городе — будь это февраль—март или август 1917 г., Петроград или Москва. Масштабное полотно пестрит дета-

лями, именами, событиями. Это «тотальное описание» явления. Конечно, было непросто собрать «мозаику» воедино, потребовалась кропотливая работа в ГА РФ, РГИА, ЦГА Москвы. Разумеется, автор привлёк опубликованные материалы делопроизводства, периодику, публицистику.

Характер источниковой базы всегда влияет на исследователя. И в данном случае Николаев вполне обоснованно принял риторические конструкции, характерные для периодических изданий того времени. Как известно, в Государственном совещании нашлось место и «цензовой публике», и «демократии». Сама по себе подобная стратификация в высшей степени характерна для 1917 г. Ведь тогда речь шла не о социальной, а, прежде всего, политической дифференциации, более того, партийной. От имени «цензовиков» преимущественно говорили кадеты. «Демократию» представляли разнообразные социалистические партии. Это лучшее доказательство того, что в российской политике 1917 г. партии играли роль «несущей конструкции». Кроме того, такая дихотомия — убедительное свидетельство глубокого мировоззренческого кризиса, который переживала «мыслящая Россия» того времени.

Категориальный аппарат со всей очевидностью говорил читателю периодических изданий, за кем будущее. «Цензовики» по определению представляли старую Россию. «Демократия» — это перспектива на многие годы вперёд. Пока «буржуазные» партии считались неизбежными (но, конечно, временными) старшими партнёрами в коалиции, они ещё имели шанс на политическое бытие. Их существование становилось бессмысленным в тот момент, когда силы «демократии» переставали в них нуждаться.

Однако проблема заключалась в том, что изменения в обществен-

ных настроениях и институциональная перестройка политической сферы не были синхронизированы. Общественная жизнь в значительной мере выстраивалась вокруг институтов, сложившихся ещё до 1917 г. В них первую скрипку играли представители «цензовой общественности» — и до, и после Февральской революции. Их слово оказывалось решающим в большинстве издательств, в общественных организациях, в органах местного самоуправления. Вытеснение «цензовиков» из политики обозначало обрушение основ общественной жизни. В августе 1917 г. об этом речи не шло. В Государственном совещании цензовый элемент был представлен неплохо. Более того, этот форум лишь подтвердил, что в сложившейся системе координат с «буржуазной демократией» невозможно не считаться⁵. Это «цвет интеллигенции, цвет образования», соглашался один из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели⁶. Следовало сбросить на пол привычную для всех «шахматную доску», чтобы с неё слетели уже все фигуры.

Как раз по этой причине конструкция Государственного совещания не кажется случайной. Николаеву предстояло выбрать угол зрения, который позволил бы рассмотреть этот форум не сам по себе, а как составную часть складывавшейся (но на тот момент ещё не сложившейся) политической системы постреволюционной России. В 1917 г. порой ставился вопрос о возрождении Государственной думы⁷. Однако даже во Временном правительстве первого состава не многие принимали идею цензового представительства. Министры не верили, что пережитки старого режима могут хоть как-то пригодиться.

В итоге попытались создать учреждение принципиально иного свойства: Государственное совещание должно было представлять не партии,

не регионы, а общественность, а значит — общественные организации. Временное правительство стремилось сформировать новую коалицию, когда массовые настроения заметно радикализировались. Проблема в том, что общественность беспартийной только называлась, в то время как за общественными институтами часто стояли партии «цензовой демократии», прежде всего кадеты. При всём желании преодолеть «партийное средостение» оказалось невозможно. Это — как раз то открытие, которое сделало Временное правительство в Москве в дни Государственного совещания.

Партии в нём солировали. Однако могли ли они предложить свою повестку, свой сценарий событий? По словам философа, публициста и деятельного участника событий 1917 г. Ф.А. Степуна, в Большом театре «все были как в лихорадке, все чего-то боялись, на что-то надеялись, во всяком случае чего-то ждали. Характерной чертой этого ожидания было то, что собравшиеся чего-то ждали не от себя, не от своего почина, а от каких-то тайных, закулисных сил. Такое настроение было тем более непонятно, что все ответственные политические деятели и стоявшие за ними группы прибыли на Московское государственное совещание с целью сговора, т.е. с целью всемерной поддержки Временного правительства»⁸. Степун подметил парадоксальное положение того времени: участники диалога подчёркивали свою готовность к компромиссу, занимали преимущественно примирительную позицию. Однако никто из них в возможность конструктивного сотрудничества «демократии» и «цензовых элементов» всерьёз не верил: «Может быть, только один Керенский верил ещё в то, что канат, по которому он, балансируя, скользит над бездной, есть тот путь, по которому пойдёт революция»⁹.

В дневниковой записи от 12 августа 1917 г. Тыркова сформулировала очевидную проблему, прочувствованную ею в день открытия Московского совещания: «Всё яснее, что дело в физической силе»¹⁰. Оставалось неясным, откуда её ждать. Ораторы, выступавшие со сцены Большого театра, позволяли себе весьма резкие суждения. Бывший председатель II Думы Ф.А. Головин вспоминал выступления П.А. Столыпина, за которым чувствовалась сила¹¹. Этого нельзя было сказать о Керенском, который явно проигрывал в сравнении с царским премьером. А.И. Гучков прямо диагностировал проблему текущего момента: «Эта власть больна тем, что её нет. Эта власть — тень власти, подчас являющаяся со всеми подлинными и помпезными атрибутами власти, с её жестикующей и её терминологией, с её интонациями, в которых слышатся подчас оттенки, от которых мы как будто стали отвыкать, и тем трагичнее этот контраст между жизненной необходимостью создания подлинной, твёрдой, истинно государственной власти и между судорожными поисками и страстной тоской по этой власти»¹². Это были яркие, запомнившиеся высказывания, в которых подчёркивалась слабость Временного правительства, но не сила его оппонентов.

Вскоре после окончания Государственного совещания журналист и литератор П.Я. Рысс написал: «Московское совещание сказало все свои слова. Их было много, очень много. Были слова ударные, тяжёлые. И были слова бесцветные и испаряющиеся из памяти. И после всех этих слов осталось впечатление, что совещание в Москве не было *совещанием*. Там не совещались, не делились мнениями, чтобы выработать единое. Нет, там шла тяжба, где обе стороны были прокурорами, и ни одна не хотела быть

подсудимым. Иначе и быть не могло: политики — сегодня лишь прокуроры. Суд над ними творит история, превращая их в подсудимых»¹³. В таких обстоятельствах Временному правительству оказалось непросто придумать себе опору. Ему, как и всем прочим, оставалось лишь ждать ветра истории.

Примечания

¹ *Тыркова А.В.* Перед лицом страны // Революция 1917 года глазами современников. В 3 т. Т. 2. М., 2017. С. 252.

² *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017.

³ Весьма характерно, что, согласно постановлению Временного правительства от 9 мая 1917 г., «дела, направлявшиеся в порядке статей 86 и 87 Основных государственных законов... разрешаются властью Временного пра-

вительства» (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Пг., 1918. С. 19). Тем самым подчёркивалось, что Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г. продолжали действовать.

⁴ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 467–468, 502.

⁵ *Рысс П.Я.* Покаяние // Революция 1917 года глазами современников. Т. 2. С. 266.

⁶ Государственное совещание / Под. ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1930. С. 127.

⁷ Там же. С. 103–104.

⁸ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 422.

⁹ Там же. С. 423.

¹⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 203.

¹¹ Государственное совещание. С. 54.

¹² Там же. С. 101.

¹³ *Рысс П.Я.* Указ. соч. С. 264.

Александр Пученков

Большая политика в Большом театре*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Big politics at the Bolshoi Theatre

DOI: 10.31857/S2949124X24030216, EDN: GBRHKG

Петербургский историк Андрей Борисович Николаев уже многие годы работает над проблематикой изучения революционной России в 1917 г. Результатом его увлечённой работы стал известный двухтомник, посвящённый событиям Февральской революции¹ и получивший положительные рецензии нескольких специалистов². «Думская революция» — крупнейшее обобщающее исследование, во многом опорная работа для нынешнего и последующих поколений истори-

ков. Этот двухтомник завершил серию книг Николаева о деятельности Думы в дни, предшествующие падению императорской власти³. Каждая из них становилась событием в историографии, вызывая одобрительные отклики как в России, так и за рубежом⁴. Отличительной чертой «Думской революции» является поистине непревзойдённое по тщательности описание Февральской революции — по дням, часам, а в отдельных случаях и минутам. Историк выстроил композицию

* *Николаев А.Б.* Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб.: Астерион, 2022. 480 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 ««Русский мир» и «русская земля»: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.».